

УДК 17.03

**«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» –
ЭТИЧЕСКОЕ ЯДРО РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ**

**«ACCURSED QUESTIONS» –
ETHICAL CORE OF RUSSIAN PHILOSOPHY AND LITERATURE**

**Т.И. Черепова
T.I. Cherepova**

*Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского,
Россия, 109004, г. Москва, ул. Земляной вал, 73*

*Moscow State University of Technology and Management by K. Razumovsky,
73 Zemlyanoy Val, Moscow, 109004, Russian*

E-mail: tatiana.m29@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются типологические характеристики русской философии в контексте нравственной проблематики. Отмечается, что нравственность в русской философской традиции обозначает не столько следование определенным образцам поведения, сколько рефлексию над предельными основаниями человеческого бытия. Это находит отражение в феномене «проклятых вопросов», которые являются инвариантной чертой отечественного этического дискурса. Эти вопросы обнаруживаются в творчестве всех значимых представителей русской литературно-философской традиции, начиная с XIX века вплоть до современности. Для обоснования основных выводов приводятся репрезентативные мнения как классических авторов, так и современных исследователей.

Resume. The article analyzes the typological characteristics of Russian philosophy in the context of moral problems. It is noted that the morality in Russian philosophical tradition refers not so much to follow certain patterns of behavior as a reflection on the ultimate foundations of human existence. This is reflected in the phenomenon of «accursed questions» that are invariant feature of domestic ethical discourse. These questions are found in the work of all relevant representatives of Russian literary and philosophical tradition, since the XIX century up to the present. The article presents the views of a famous classic authors and modern researchers, confirming the main conclusions of the work.

Ключевые слова: русская философия, русская литература, проклятые вопросы, бытие, смерть, смысл жизни, этика.

Key words: Russian philosophy, Russian literature, accursed questions, being, death, the meaning of life, ethics.

Вопрос о русской философии, ее своеобразии, сущности, начале уже давно находится в центре исследовательского внимания. Это один из наиболее острых и болезненных вопросов отечественной культуры и национального самосознания. Здесь соседствуют полярные точки зрения – от полного несправедливого отрицания до крайней апологетики. Хорошо известно, что известный русский философ и историк русской мысли Г.Г. Шпет отрицал оригинальность и своеобразие русской философии. Он писал в «Очерках развития русской философии»: «Невегласие есть та почва, на которой произрастала русская философия. ... Неудивительно, что на такой почве произрастала философия бледная, чахлая, хрупкая» [Шпет, с. 73]. А вот другой историк русской философии Н. П. Полторацкий назвал ее «особой школой философской мысли», ставшую «совершенно оригинальным явлением в истории человеческой мысли» [Полторацкий, с. 131].

Такие противоположные оценки русской философии нередки и сегодня. Однако, в нашу задачу входит не разбор полярных мнений, а попытка выявить действительно то существенное, что определяет национальное своеобразие русской философии. Сошлемся на Г. Померанца, чье авторитетное мнение дает серьезные основания полагать, что такое своеобразие русской мысли имеется, и что оно связано с литературной традицией отечественной культуры. В статье «Открытость бездне» философ говорит о том, что только в середине XIX века в России наступило время *открытых вопросов*, и что органом философского самосознания стала художественная литература. И это не просто изящная словесность, это пространство для выражения наиболее глубоких человеческих вопрошаний, которые исследователь называет емким словом «бездна». Он пишет: «Откуда в русской литературе, в середине XIX века, эта бездна? Отчего она вдруг открылась? Откуда захваченность метафизикой в стране, где не было философии?» [Померанц, с. 308].

Это принципиально важные слова, необходимые для понимания глубины и оригинальности русской мысли, которую Г. Померанц называет не философией, а метафизикой и связывает ее, прежде всего с именами Тютчева, Толстого и Достоевского. В данном случае речь идет, конечно, о традициях академической философии, которые действительно в России были слабо представлены

до XIX века. Поэтому мы с полным правом можем назвать *предстояние бездне*, о которой говорит Г. Померанц, связывая это с литературой, также философией. Только философией неакадемической, вольной, литературоцентричной.

Русская литература, таким образом, стала тем духовным пространством, в котором можно было ставить высшие вопросы человеческого существования. Традиционно такие вопросы называют «проклятыми», обнаруживая их наличие преимущественно в традициях отечественной философской культуры.

Что это за вопросы, какова их сущность, насколько они созвучны современности?

Приведем показательное мнение русского критика А. С. Волжского, который в начале XX века писал, что «Русская художественная литература – вот истинная русская философия, самобытная, блестящая философия в красках слова, сияющая радужной мыслью... Почти всегда в глубине ее шла неустанная работа над самыми важными, неумирающими и значительными проблемами человеческого духа; с проклятыми вопросами она почти не расставалась». Эти слова приводит в своей книге «Слово и молчание: Метафизика русской литературы» современный философ М. Эпштейн, отмечая, что «Метафизика – область вопросов, именуемых не только вечными, но и проклятыми, потому что они неразрешимы для ума и мучительны для сердца» [Эпштейн, с. 9].

Эти метафизические вопросы по преимуществу носят нравственный характер. Если конечно под нравственностью понимать не следование определенным нормам, а поиск глубинных основ бытия. Очень точно об этом сказал Н. А. Бердяев, отделив метафизическую область нравственности от этики и житейской морали: «...на практической этике обыкновенно лежит печать обидной для мыслителя пошлости. Единственный способ поднять этику над мелочностью и пошлостью, это – привести нравственную проблему в связь с основными проблемами метафизики... «Проклятые вопросы», которые мучили какого-нибудь Ивана Карамазова – более соответствуют высоте и глубине нравственной проблемы, чем все повеления и запрещения мелкой житейской морали, желающей выдрессировать человека для общежития» [Бердяев, 2002, с. 106].

Таким пониманием нравственности действительно отличается русская философия, которую называют не только литературоцентричной, но также этикоцентричной. Вопросы смысла жизни и смерти, оправданности страданий, веры и неверия, поиск социальной гармонии и справедливости – вот эта область нравственных вопрошаний, которые называют «проклятыми вопросами», поскольку на них не может быть дан позитивный утвердительный ответ. Но духовно-нравственная особенность человека в том, что он не может не задаваться этими вопросами, поскольку эти вопросы касаются фундаментальных антропологических оснований его бытия. И от того, насколько сильно, глубоко и постоянно человек их задает, зависит, в конечном счете, и национальная философия.

Особенность отечественной философии в том, что здесь эти вопросы часто доводятся до предела, что создает трагический и пессимистический оттенок. Приведем показательные слова С. Г. Семенович: «Та область свободного исследования, в которой ставятся вечные вопросы, может предполагать и крайне пессимистический – с точки зрения религиозного сознания – вариант: нет разумной причины мира, нет Высшей милующей и карающей инстанции, нет не только загробной компенсации нравственных заслуг человека и неотвратимо его полное и окончательное уничтожение, но нет и никакого разумного смысла в появлении человека на земле. Когда на все утешительные обетования веры человек дает абсолютно отрицательный ответ и вместе с тем не находит для себя никакой другой смысловой опоры, вечные вопросы превращаются в «проклятые», выражаются в крайних формах «мировой скорби»» [Семенова, с. 18].

Парадокс русской философии в том, что она, с одной стороны, носит религиозный характер, что отмечается рядом авторитетных исследователей (В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский, Н. Зернов и др.), а, с другой, что именно в русской философской литературе «проклятые вопросы» носят наиболее драматический характер. Снова сошлемся на Н. А. Бердяева. «Русская тоска по смыслу жизни, – пишет философ, – вот основной мотив нашей литературы и вот что составляет самую сокровенную сущность русской интеллигентной души, мятущейся и скитающейся, тревожно работающей над проклятыми вопросами, которые сделались для нее вопросами собственной индивидуальной судьбы» [Бердяев, 2002, с. 180].

«Тревожно работающей над проклятыми вопросами» – это ключевые слова Н. А. Бердяева, характеризующие сущность отечественной философии, которая изначально озабочена самыми глубокими жизненными вопросами – смерти и смысла. Их неразрешимость ставит человека в трагическое положение. Уже в философской поэзии Д. В. Веневитинова можно увидеть вопрошающие интонации, которые можно квалифицировать в терминах «проклятых вопросов». Так, в стихотворении «Я чувствую, во мне горит...» есть такие строчки: «Найду ли я утес надежный, // Где твердой обопрусь ногой? // Иль, вечного сомненья полный, // Я буду горестно глядеть // На переменимые волны, // Не зная, что любить, что петь». А вот слова Веневитинова из его письма к М. П. Погодину: «тоска не покидает меня...», «тоска измучила меня» [Веневитинов, с. 343].

В лирике А. С. Пушкина, несмотря на ее жизнерадостный и жизнелюбивый настрой, есть интонации, в которых слышится отголосок «проклятых вопросов». Классический пример – стихотворение «Дар напрасный, дар случайный», в котором ставится один из наиболее мучительных вопросов – вопрос о смысле человеческой жизни. И Пушкин дает, увы, далеко не оптимистический ответ: «Цели нет передо мною: // Сердце пусто, празден ум, // И томит меня тоскою // Однозвучный жизни шум».

Проницательный русский философ С. Л. Франк в статье «Светлая печаль» пишет, что «у Пушкина есть нечто вроде философии трагизма человеческой жизни» [Франк, с. 469]. Это довольно необычный взгляд на Пушкина, в котором, как правило, привыкли видеть певца любви, свободы, радости, беспечности. Более того, философ утверждает, что Пушкин «...видит всю человеческую жизнь осененной темным крылом неизбежной смерти» [Франк, с. 470]. Это не случайно, поскольку Пушкин как гениальный национальный поэт чувствует всю палитру духовных и нравственных переживаний человека.

Этот настрой экзистенциального скепсиса и отчаяния, характерный для мироощущения русского человека, будет в дальнейшем проявляться во многих текстах русской философии и литературы, достигнув вершины в творчестве Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Очень показательны слова Н. А. Бердяева, сказанные им в книге «Миросозерцание Достоевского». Он пишет: «Все, что написано Достоевским, написано им о мировых «проклятых» вопросах [Бердяев, 1994, 24]. С Достоевского начинается новый период в русской культуре. Все, что было раньше скрыто в глубоких пластах национального подсознания вышло вовне, заявив о себе во весь голос. «Этот трагический реализм, – пишет Н. А. Бердяев, – характерен для духовной эпохи, которая наступает после Достоевского. Это налагает тяжкую ответственность, которую люди последующего поколения с трудом могли нести. «Проклятые вопросы» сделались слишком жизненными, слишком реальными вопросами, вопросами о жизни и смерти, о судьбе личной и судьбе общественной. Все стало слишком серьезным» [Бердяев, 1994, 142].

Это свидетельствует о не отвлеченном, не кабинетном типе русской философии, которая спекулятивной рефлексии предпочитала живое философствование о высшем и предельном. И для такого типа философии не подходят трактатные, то есть научные формы философии, чем отличается западноевропейская интеллектуальная традиция. Именно поэтому литература в России, что отмечалось многими исследователями, стала источником нравственного опыта.

Наибольшая концентрация «проклятых вопросов», которые ставит Достоевский, обнаруживается в мировоззрении «подпольного человека». Здесь писатель достигает вершин мировой философии, о чем пишет К. Мочульский, сравнивая его с Ницше и Кьеркегором: «"Записки из подполья" – произведение «странное». Все в нем поражает: построение, стиль, сюжет. Первую часть составляет исповедь подпольного человека, в которой исследуются глубочайшие вопросы философии. По силе и дерзновенности мысли, Достоевский не уступает ни Ницше, ни Кьеркегору. Он близок им по духу, он "из их рода"» [Мочульский, с. 202].

В «Дневнике писателя» Достоевского в иной стилистической форме представлены те же «проклятые вопросы». Исследователи, характеризуя это произведения, отмечают, что «... беседуя с читателем, автор все время скользит от одной злободневной темы к другой, и переход к каждой из них влечет за собой поток новых воспоминаний и ассоциаций, приводит с собой новые эпизоды и новых действующих лиц, подсказывает новые аспекты осмысления события. Но все эти предельно разнообразные, несходные между собой сменяющиеся темы и эпизоды неизменно обращают взор автора и читателя к одним и тем же «проклятым» вопросам, образующим философские и художественные константы, своего рода основные нервные узлы мысли автора» [Фридендер, с. 279-280].

Творчество Достоевского стало мощным катализатором для дальнейшего развития русской философской мысли. Пожалуй, ни один серьезный философ и писатель не обошелся без его влияния. «Проклятые вопросы» Достоевского очень сильно ощущаются в творчестве А. П. Чехова, Л. Андреева, М. Арцыбашева, А. Платонова и многих других авторов. Большой интерес представляет Л. Н. Толстой, не испытавший непосредственного влияния Достоевского, однако, сформулировавший свой собственный корпус «проклятых вопросов». Типологически они, конечно, схожи с вопросами Достоевского, однако имеют свой собственный колорит. Особенно сильно Толстого мучает страх смерти, сама смерть, которая во многом обесмысливает жизнь. Философ В. Н. Ильин, анализируя миросозерцание писателя, писал, что «...у Льва Толстого смерть есть музочет всего его творчества – как литературного, так и миросозерцательного [Ильин, с. 303].

В «Записках сумасшедшего» Толстого есть описание состояния, которое получит название «арзамасский ужас». Вот это состояние: «Я живу, жил, я должен жить, и вдруг смерть, уничтожение всего. Зачем же жизнь? Умереть? Убить себя сейчас же? Боюсь. Дождаться смерти, когда придет? Боюсь еще хуже. Жить, стало быть? Зачем? Чтоб умереть. Я не выходил из этого круга. Я брал книгу, читал. На минуту забывался, и опять тот же вопрос и ужас. Я ложился в постель, закрывал глаза. Еще хуже. Бог сделал это. Зачем?» [Толстой, с. 303]. Это ни что иное, как «проклятые вопросы», поставленные писателем с не меньшей силой и проникновением, чем это сделано у Достоевского.

Особое место и в исследовании Достоевского и Толстого, и в продолжении их тем принадлежит В.В. Розанову и Л. Шестову. «Проклятые вопросы» буквально разбросаны по многим работам В.В. Розанова, в которых им придается дополнительная острота и глубина. В «Опавших листьях» философ пишет: «Что значит, когда «я умру». Освободится квартира на Коломенской, и хозяин сдаст ее новому жильцу. Еще что ... Какие ужасы!» [Розанов, с. 277]. Л. Шестов постоянно рассуждает в непрерывном ритме «проклятых вопросов». Вот показательный фрагмент его философской рефлексии: «Умереть не страшно, страшно – жить нашей бессмысленной, тупой жизнью наша жизнь есть смерть, наша смерть – есть жизнь или начало жизни. Вот что говорит окружающим Толстой и вот чего они не понимали и никогда не поймут. Да разве это можно «понять»? Разве сам Толстой это «понимал»?...» [Шестов, с. 131]. В этих словах сформулированы предельные вопросы человеческого существования.

Философское творчество А. Платонова – ярчайший пример великой постановки «проклятых вопросов» в XX веке. В его произведениях вся палитра самых высших и предельных вопросов. Здесь и поиск смысла существования, и тоска, и отчаяние, и страдания, и желание переустроить мир, и соучастная любовь и жалость к человеку. Все это находит выражение в удивительном языке писателя. В повести «Котлован» есть такие слова: «Мне без истины стыдно жить». Они, как нам представляется, являются духовным кредо Платонова и связывают его со всеми вершинными достижениями русской философии и литературы от Гоголя и Достоевского до Толстого и Чехова.

В советский период господствовала официальная марксистская философия и ангажированная коммунистической идеологией литература. Очевидно, что в них не было места не только «проклятым вопросам», но и вообще господствовала установка на изгнание всяких пессимистических тем, которые ассоциировались с буржуазной философией. Однако, были отдельные очень глубокие авторы, которые вне официальной идеологии писали работы, в которых затрагивались все вопросы, традиционные для русской нравственной философии. Здесь можно назвать таких авторов и их произведения как Н.Н. Трубников «Притча о Белом Ките», А.Н. Чанышев «Трактат о небытии». Эти работы отличает глубокая смысловая рефлексия, которая не вписывалась в канон официальной идеологии. Кроме этого можно назвать такие имена как А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, Я.Э. Голосовкер, Г. Померанц, С.С. Аверинцев, Г.С. Батищев, Ю.Н. Давыдов, Г.Д. Гачев, которые продолжали отечественную литературно-философскую традицию.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Отечественная философская культура отличается особым вниманием к нравственной проблематике, в центре которой положение человека в мире, его бытийная ситуация. Типологическая особенность русской философии и литературы в том, что здесь имеет место некоторая абсолютизация трагических сторон человеческого бытия, в результате чего формируется феномен, называемый «проклятыми вопросами». Суть их в том, что это вопросы, на которые не может быть дан позитивный рациональный ответ. Однако, в свете этих вопросов именно в силу их трагически-безответного характера человеческое бытие приобретает особое метафизическое значение. Поскольку эти вопросы имеются практически у любого крупного русского философа и писателя, то, соответственно, можно говорить об оригинальности и самобытности отечественной философии.

Список литературы References

1. Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные.* М.: Канон+, 2002. 656.
Berdyaev N.A. *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, social'nye i literaturnye.* M.: Kanon+, 2002. 656.
2. Бердяев Н.А. *Мирозерцание Достоевского* // Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры, искусства.* Т. 2. В 2-х т. М.: Искусство, 1994. С. 7-151.
Berdyaev N.A. *Mirosozercanie Dostoevskogo* // Berdyaev N.A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury, iskusstva.* T. 2. V 2-h t. M.: Iskusstvo, 1994. S. 7-151.
3. Вenevитинов Д.В. *Полное собрание сочинений.* Москва – Ленинград: ACADEMIA, 1934.
Venevitinov D.V. *Polnoe sobranie sochinenij.* Moskva – Leningrad: ACADEMIA, 1934.
4. Ильин В.Н. *Мирозерцание графа Льва Николаевича Толстого.* СПб.: РХГИ, 2000. 480 с.
Il'in V.N. *Mirosozercanie grafa L'va Nikolaevicha Tolstogo.* SPb.: RHGI, 2000. 480 s.
5. Мочульский К. *Достоевский. Жизнь и творчество.* PARIS: YMCA-PRESS, 1947. 565 с.
Mochul'skij K. *Dostoevskij. Zhizn' i tvorchestvo.* PARIS: YMCA-PRESS, 1947. 565 s.
6. Полторацкий Н. П. *Русская религиозная философия* // *Вопросы философии.* 1992. № 2. С. 127-139. 539 с.
Poltorackij N. P. *Russkaya religioznaya filosofiya* // *Voprosy filosofii.* 1992. № 2. S. 127-139. 539 s.
7. Померанц Г. *Открытость бездне. Встречи с Достоевским.* М.: СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 416 с.
Pomeranc G. *Otkrytost' bezdne. Vstrechi s Dostoevskim.* M.: SPb: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2013. 416 s.
8. Розанов В.В. *Опавшие листья* // Розанов В.В. *Уединенное.* М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 277-421.
Rozanov V.V. *Opravshie list'ya* // *Rozanov V.V. Uedinennoe.* M.: Pravda, 1990. T. 2. S. 277-421.
9. Франк С.Л. *Светлая печаль* // *Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в.* М.: Книга. 1990. 527 с.
Frank S.L. *Svetlaya pechal'* // *Pushkin v russkoj filosofskoj kritike: Konec XIX – pervaya polovina XX v.* M.: Kniga. 1990. 527 s.
10. Фридлиндер Г.М. *Комментарии* // *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах.* Т. 22. *Дневник писателя за 1876 год.* Л.: Наука, 1981. 408с.
Fridlender G.M. *Kommentarii* // *Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah.* T. 22. *Dnevnik pisatelya za 1876 god.* L.: Nauka, 1981. 408s.
11. Шестов Л. *На весах Иова.* М.: Фолио, 2001. 464 с.
Shestov L. *Na vesah Iova.* M.: Folio, 2001. 464 s.
12. Шпет Г.Г. *Очерк развития русской философии.* I. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 592 с.
Shpet G.G. *Ocherk razvitiya russkoj filosofii.* I. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN), 2008. 592 s.
13. Эпштейн М.Н. *Слово и молчание: Метафизика русской литературы.* М.: Высшая школа, 2006. 559 с.
Epshtejn M.N. *Slovo i molchanie: Metafizika russkoj literatury.* M.: Vysshaya shkola, 2006. 559 s.